

A white dove is shown in flight against a cosmic background. The dove is positioned in the upper half of the frame, flying towards the right. It holds a green olive branch in its beak. The background features a large, glowing Earth in the upper left, with a bright light source behind it. Several dark, rocky asteroids are scattered throughout the dark space. The overall color palette is dominated by the reds and oranges of the Earth and light source, contrasted with the deep blues and blacks of space.

Михаил
Самарский

**ЗОВ
ПАМЯТИ**

Михаил Александрович Самарский

Зов памяти

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12628963
Михаил Самарский «Зов памяти». Серия «Романы Михаила Самарского»: АСТ; Издательство АСТ; 2019
ISBN 978-5-17-111687-3*

Аннотация

Однажды семь человек из разных эпох оказываются на другой планете.

Узнав, что находятся за многие миллионы световых лет от Земли и что проспали более тысячи лет, «путешественники» понимают: они больше никогда не увидят свой дом, своих близких, свое время... Но, следуя ЗОВУ ПАМЯТИ, все же находят космический корабль, робот в котором сообщает: на Земле больше не осталось цивилизации. Не теряя надежды и решив дать родной планете шанс, они отправляются в далекое путешествие, но даже не догадываются, что повторяют путь своих предков...

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	30
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Михаил Самарский

Зов памяти

*Посвящаю преподавателям и студентам МГУ
им. М.В. Ломоносова*

Мысль человеческая не может изобрести чего-либо несуществующего. Невозможное не может зародиться в мысли. Всякая идея, какой бы странной она ни казалась, где-нибудь существует, иначе мысль не могла бы формулировать ее...

В. И. Крыжановская (Рочестер)

Пенталогия «Маги». Книга 3. «Гнев божий»¹

---

¹ «Остеон-Пресс», Ногинск, 2014.

От автора

Дорогие друзья, все мы читаем книги, смотрим фильмы, слушаем музыку, рассматриваем картины, и мы не знаем, как отзовутся в наших сердцах новые слова, новые звуки, новые цвета и оттенки, по какой дороге поведет нас разум, каких высот мы достигнем с помощью новых знаний и новых эмоций. Но можно с уверенностью сказать: если нами движет жажда знаний, если мы не будем стоять на месте, если мы желаем творить и фантазировать, то впереди нас непременно ждут и новые вершины, и новые свершения!

И еще. Будет большой несправедливостью, если я не отмечу, что на написание этой книги меня вдохновили труды ученого-естествоиспытателя, астронома Михаила Васильевича Ломоносова, историка, географа Василия Никитича Татищева, основоположника теоретической космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского, академика, создателя науки биогеохимии Владимира Ивановича Вернадского, писателя, руководителя поисковой экспедиции «Гиперборея» Валерия Никитича Демина, ученого, лингвиста-любителя Валерия Алексеевича Чудинова, историка, философа Сергея Вячеславовича Перевезенцева.

Глава 1

Проснувшись, Дмитрий Котуков по привычке еще долго не открывал глаза. Любимое время помечтать. В этот раз он не без удовольствия думал о том, как проведет летние каникулы вместе с Настей. С ней Дима познакомился в стенах университета. Они с друзьями что-то бурно обсуждали в фойе, и вдруг Дмитрий почувствовал на себе взгляд, буквально прожигавший его насквозь. Он резко обернулся и увидел девушку. Ее волнистые каштановые волосы рассыпались по плечам, а зеленые глаза походили на звезды – в них были одновременно и отрезвляющая прохлада, и необычайная яркость солнечного света. Дмитрию показалось, что он никогда не видел таких красивых глаз. У него промелькнула мысль: «А вдруг это и есть любовь с первого взгляда...»

«Сессия позади, – мысленно произнес Дмитрий, – впереди последний курс, госы, диплом и... свободен, как комета в космосе».

Откровенно говоря, надоел ему этот универ хуже горькой редьки. Но спорить с предками бесполезно: вот подай им высшее образование, хоть тресни! Мать так и сказала: «Окончи вуз, а дальше решай сам, иди хоть в дворники, я в твою личную жизнь лезть не буду, делай, что хочешь».

«Ага, – мысленно усмехнулся Дмитрий, – свежо предание, да верится с трудом. Так и не будет лезть. Уже взялась за

Настю: то выглядит она вульгарно, то косметикой не умеет пользоваться, то одевается безвкусно, то книг мало читает... Мне кажется, маме моей угодить невозможно: хоть настоящую принцессу приведи в дом, все равно найдет недостатки и попросит сто раз подумать, прежде чем совершать серьезные поступки. Интересно, а что она подразумевает под серьезными поступками?»

Дима улыбнулся и вдруг сообразил, что лежит на чем-то твердом. Это не похоже на постель. Осторожно, все еще не открывая глаз, проведя рукой рядом с собой, он ощутил пугающую прохладу. Дмитрий открыл глаза и обомлел. Он лежал на каменном полу, в помещении, напоминавшем пещеру. Откуда-то издалека пробивался луч слабого света. Вокруг на полках стояли какие-то то ли колбы, то ли стеклянные капсулы, словно в химической лаборатории. Юноша осторожно ощупал себя: пиджак, туфли, брюки, рубашка...

– Что за хрень? – испуганно воскликнул он и вспомнил, как вышел из университета, дошел до супермаркета, повернул к станции метро и... – Да, кстати, а дальше что? А вот дальше-то я и не помню. Так-так-так! Или... Нет, точно не помню! Да как же так? Что случилось? Вроде никогда не жаловался на память, алкоголь вчера не употреблял...

Где-то неподалеку разговаривали люди. Котуков приподнялся, сел на пол, обхватил руками колени и прислушался к голосам. Разговор показался очень странным. Кто-то говорил о необходимости срочно сообщить компетентным орга-

нам, что, мол, нас похитили, это преступление и так далее. Дмитрий насторожился. Находиться здесь, в полутемном помещении, было просто невыносимо.

Он медленно поднялся с пола, аккуратно ступая, словно передвигаясь по минному полю, подошел к выходу, постоял, немного послушал, набрав полные легкие воздуха, резко выдохнул и вышел наружу. От яркого света Дмитрий зажмурил глаза, а когда открыл их, перед ним предстала потрясающая картина. Залитая солнцем поляна, вокруг нее – редко и беспорядочно посаженные кусты и деревья. Они были причудливыми, словно над ними поработал садовник с тонким чувством юмора. Внизу, метрах в пятидесяти, виднелась река. Дмитрий с друзьями не раз бывал за городом на шашлыках, но там природа выглядела иначе. Посреди поляны, размахивая руками, что-то обсуждали пятеро незнакомцев – четверо мужчин разного возраста и одна девушка-блондинка, державшая на руках крошечного пуделя. Тот, увидев незваного гостя, беззлобно тьякнул, скорее, чтобы отчитаться перед хозяйкой и показать, что он все еще тут. Девушка, прикрыв пасть собаки наманикюренными пальцами, тихо сказала:

– Тоша, свои!

«Чего это она меня сразу в свои записала?» – мысленно удивился Дмитрий и тихо, стараясь придать своему голосу бодрость, сказал:

– Здрасьте!

– Во! – гаркнул полноватый мужчина лет тридцати в ма-

линовом пиджаке. – Еще один! Ты откуда?

– Оттуда. – Дмитрий кивнул в сторону пещеры.

– Да это мы видим, – рассмеялся толстяк. – Сам-то откуда будешь, братишка? Где живешь?

– В Москве, – опасливо озираясь по сторонам, ответил парень.

«Странный тип, – настороженно подумал Дмитрий, – таких обычно показывают в фильмах о новых русских, промышлявших в девяностые рэкетом. Может, актер?»

– В общем, картина ясна, – щелкнул пальцами незнакомец. – Я подозреваю, это люберецкие что-то сотворили. Вы заметили? Мы все тут из Москвы.

Он протянул парню руку и представился:

– Леха Москворецкий. Слышал?

– Не-а, – замотал головой Дмитрий и поморщился от крепкого рукопожатия. – Не слышал. Дмитрий, – представился он в ответ.

– Не слышал? – удивился Леха. – Ты точно в Москве живешь? Или в области?

– Точно, – улыбнулся Дмитрий.

– Чем занимаешься? – полюбопытствовал Москворецкий.

– В универе учусь.

– Молодец! – похвалил Леха. – А у меня сестренка Нинка в следующем году школу заканчивает. Ты в какой школе учился?

– В тысяча двести тридцать девятой...

– Это где такая?

– На Вспольном переулке. Метро Баррикадная... или Маяковка.

– Понятно, а Нинка моя в Жулебино учится, школа номер тысяча восемьдесят четыре, я иногда ее туда на машине подвожу.

– Далеко от школы живете? – поинтересовался Дмитрий.

– Да нет, – рассмеялся Леха. – Просто перед подругами иногда хочет выпендриться.

– Чем? – удивился Дмитрий. – Машиной?

– Ну, не просто машиной, – хмыкнул Леха, – у меня мерин шестисотый, сам понимаешь, это же круто...

– В смысле мерседес? – уточнил Дима.

– Угу, – закивал Леха. – У них только у двух папаш такой: у меня и еще у одного экстрасенса. Он людям гадает, аферюга тот еще, очень хитрый и расчетливый. Его голыми руками не возьмешь, связи о-го-го... А у вас в школе были такие машины?

– Были, конечно, – улыбнулся Дмитрий. – Да у нас, наверное, половина студентов в универе на мерседесах ездят. Кого сейчас этим удивишь?

– Да ладно! Что за университет?

– МЭУ, – сказал Котуков и на всякий случай расшифровал аббревиатуру: – Московский экономический университет.

– Хм! – пожал плечами Леха. – Я что-то о таком даже не

слышал. Хорошо. Выберемся отсюда, я подъеду, гляну, что почем. – Он взглянул на часы, приложил их к уху и принялся махать рукой, поясняя Дмитрию: – Долго спал, даже часы успели остановиться.

Второй мужчина, лет сорока, маленького роста, не сказать, что толстый, но с отвисшим животом, держал в руках большой кожаный портфель и все время вытирал платком обильно потеющую лысину. Глаза у портфеленосца были на выкате и бегали из стороны в сторону, губы влажные. На правой щеке, рядом с носом, – крупная родинка, больше похожая на бородавку.

– Извините, товарищ, – произнес он, – но я не москвич, я проживаю в Красноярске, в Москву приехал на съезд партии. И вот... несчастье такое... как бы уснул... не могу понять...

– На какой еще съезд? – выпятил губу Леха. – На двадцать шестой.

– А что за партия?

– Вы что? – Мужчина с портфелем даже подпрыгнул на месте. – Съезд КПСС. Я делегат съезда. У нас одна партия...

– У кого это – у вас? – нахмурился Леха.

– Как это? – Мужчина вжал голову в плечи. – Ну как же? У нас в СССР... Понимаете?

– Не понимаю! – замотал головой Леха. – У тебя что, мужик, с головой проблемы, или о дерево стукнулся? Что-то с памятью случилось?

– Что вы себе позволяете? – нервно вскрикнул мужчина

с портфелем. – Вы... Я...

– Но Алексей прав, – неожиданно вмешалась в разговор блондинка. – КПСС давно нет, как и СССР.

Мужчина с портфелем побледнел и, опершись о дерево, схватился за сердце.

– Это провокация, – громко глотая слюну, прохрипел он, – прошу при мне такие разговоры не вести. Я не из Москвы, я приехал из Сибири на съезд партии, я...

Стоявший тут же мужчина лет пятидесяти, странно одетый и подпоясанный каким-то шарфом, вдруг подошел к сибиряку и сказал:

– Барин, я ведь тоже не из Москвы!

Делегат после этих слов едва не свалился в обморок.

– Вы что, товарищ? – дрожащим голосом сказал он. – Какой я вам барин? Вы сговорились все тут, что ли?

Старик рассмеялся, поклонился перепуганному делегату и сказал:

– Как смешно ты меня назвал, барин, но я не торговец, я никакой не товарищ. Я Матвейка из Романовки. Крестьянин, землешец...

– Погодите, друзья, – неожиданно раздался голос худощавого мужчины, до этого молча стоявшего в стороне. – Что-то тут не так. Давайте пока прекратим спорить и не будем торопиться с умозаключениями. Предлагаю тщательно обследовать, с позволения сказать, – кивнул он в сторону пещеры, – данное помещение. Возможно, тут есть кто-то еще из наших

соотечественников.

После соберемся, проведем собрание, обсудим...

– Я ни в каких обследованиях и собраниях принимать участие не буду, – заявил красноярец. – Нужно вызывать компетентные органы и...

– Послушай, Федя, – перебил его Леха Москворецкий и подошел вплотную к делегату. – Ты уже достал всех своими компетентными органами. Ты что, не видишь, где мы находимся? Нас завезли на какой-то остров. Какие органы?

Ты чего несешь?

– Я не Федя, – испуганно произнес мужчина, захлопав глазами, – меня зовут Трухин Николай Борисович.

– Неважно! – махнул рукой Леха. – Федя, Коля, Вася...

– Ну как же неважно, это мое имя, я делегат двадцать шестого съезда...

– Уважаемый, пока оставим все эти разговоры, – предложил подошедший мужчина, – тут произошло какое-то недоразумение. Давайте знакомиться! – Он протянул руку Николаю Борисовичу. – Меня зовут Кирилл Андреевич Голиков. Я преподаю в МГУ современное естествознание.

Трухин осторожно пожал руку и, тяжело вздохнув, потупил взгляд.

– Господа! – раздался голос блондинки. Делегат вздрогнул и округлил глаза. – Меня зовут Маша, то есть Крючкова Мария Николаевна. Скажите, а вы тоже купили путевки на «Экстрим-Тур»?

– Что за тур? – раскрыл рот Леха Москворецкий. – Ну-ка, ну-ка поподробнее, плиз!

– Я заплатила пять тысяч долларов за эту поездку, – сказала Мария. – Мне пообещали улетный тур, полный неожиданностей и экстрима...

– Мне экстрима и на работе хватает, – ухмыльнулся Леха. – А тебя, наверное, просто развели на бабки.

– Почему сразу развели? – обиделась Маша. – Я сама выбрала программу и все такое...

– Извините, барышня, – обратился к ней профессор, – а что у вас в программе прописано, можно взглянуть?

Мария пошарила в сумочке и протянула профессору документы. Тот пробежался по ним взглядом, перевернул страницу, поцокал языком и вернул бумаги девушке.

– Нет, по-моему, это не то, что вы думаете, – виновато сказал он.

– Как не то? – возмутилась девушка. – Вы хотите сказать, что меня обманули?

– Пока я ничего не хочу говорить, – сказал профессор. – У меня есть кое-какие предположения, но сначала давайте осмотрим пещеру. Вдруг здесь есть еще люди. Давайте соберем всех и будем размышлять, что произошло и что нам делать дальше.

– Я думала, вы сотрудник фирмы и будете сопровождать меня до места отдыха, – сказала Маша.

– Нет-нет, Мария Николаевна, – усмехнулся Голиков, – я

никакого отношения к вашей фирме не имею.

– Жаль, – вздохнула Мария. – Но я все-таки считаю, что пещера... и все это, – развела она руками, – часть моей программы.

– Часть ее программы, – передразнил Марию Леха. – А мы тут при каких корзиночках? Я в твоей программе не участвую, кто меня сюда приволок? А их, – кивнул он в сторону Матвея и Трухина, – как сюда угораздило? Видишь, у мужика даже крыша поехала.

– Вы хотите меня обвинить в том, что произошло? – Девушка едва сдерживала слезы. – Я вас всех впервые вижу...

– Да ладно тебе, – уже мягче произнес Леха, – не вздумай плакать, все хорошо, разберемся. Никто тебя ни в чем не обвиняет. Успокойся. Это я так. – Москворецкий подошел к Марии и погладил ее по руке.

На поляне возникла неловкая пауза. Все поглядывали друг на друга и молчали. Первым нарушил тишину профессор МГУ.

– Молодой человек, – обратился к Дмитрию Кирилл Андреевич, – как вас зовут?

– Дмитрий! Но можно просто Дима.

– Отлично, Дмитрий! Позвольте обратиться к вам с просьбой?

– Да без проблем, обращайтесь, – смущенно ответил Котуков.

– Пройдитесь, пожалуйста, по пещере, внимательно по-

смотрите, может, кого еще встретите. Приглашайте их к нам сюда, на свежий воздух. А мы потом более тщательно поработаем, я видел там много всякой химической посуды.

– Хорошо, – согласился Дмитрий и нырнул в пещеру.

К профессору подошел Леха и отвел его в сторону.

– Слушай, Андреич, ты как думаешь, эти двое, ну... эти... «барин» и «холоп», они нормальные? Мне кажется они из «психушки» нарезали.

– А с чего вы, Алексей... э... как вас по батюшке?

– Да ладно тебе, – хлопнул профессора по плечу Москворецкий, – называй меня просто Лехой и на «ты», я не привык к таким телячьим нежностям. Кстати, слушай, у меня сестра скоро школу заканчивает. Поможешь ей в МГУ поступить?

– Каким образом? – улыбнулся профессор.

– Ну ты что? – развел руками Леха. – Маленький, что ли? Не переживай, денег хватит... Все будет пучком.

– Алексей, – перебил профессор, – мне кажется, нам сейчас не об этом нужно думать. Произошло нечто неординарное. Сдается мне, у нас большие проблемы. Очень большие. Вот почему вы решили, что товарищи, как вы выразились, «нарезали» из психбольницы?

– Так ты разве сам не слышал, что они несут? Один делегат съезда КПСС, другой баринами всех погоняет, ну типа крепостной он...

– А тогда ответьте мне на один вопрос: какой стране сейчас принадлежит полуостров Крым? – неожиданно спросил

Голиков.

– Ну профессура! – хмыкнул Леха. – Экзамены на ходу устраивает! Кончай ты это дело, Андреич. Ты к чему это спрашиваешь? Думаешь, я настолько тупой, что не отвечу?

– Думаю, что не ответишь, – улыбнувшись, заявил профессор. – Вернее, ответишь, но, скорее всего, неправильно!

– Да ладно, – нахмурился Леха. – Крым на Украине.

– Вот-вот! Ты из какого года? – спросил профессор.

– В смысле родился? – спросил Леха.

– В смысле уснул когда? Какой год был у тебя? – Ты гонишь, профессор? Я что, год проспал, что ли?

– Нет, не гоню. – Кирилл Андреевич, рассмеявшись, хлопнул Леху по плечу. – Скорее всего, мы не год и не два тут проспали. Ты так и не сказал, какой год сейчас по твоему мнению?

– Тысяча девятьсот девяносто седьмой.

– А кто президент России?

– Борис Николаевич, – усмехнулся Леха. – А что?

– А то! Я, например, уснул в две тысячи семнадцатом.

Ехал из университета домой и внезапно уснул. Во всяком случае, больше ничего не помню. Кстати, а Крым уже три года как снова в составе России. Да и Ельцин давно умер, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Понимаешь?

Леха Москворецкий присвистнул:

– Ничего себе! Ты не гонишь, в смысле не обманываешь?

– Зачем? Ну сам подумай, зачем мне тебя обманывать? Делать мне нечего? – вздохнул Кирилл Андреевич.

– Что-то мне прямо не верится! – Леха потер висок. – Если ты говоришь правду, то получается, что я проспал двадцать лет?

– Именно так! – подтвердил Кирилл Андреевич.

– Е-мое, – хлопнул себя по лбу Москворецкий. – А этот делегат? Выходит, он... Когда он уснул?

– Если учесть, что двадцать шестой съезд КПСС состоялся в 1981 году, это был последний брежневский съезд, то уснул наш делегат тридцать шесть лет назад. Я тогда еще сам пацаном был.

– Мистика какая-то, а как же «холоп»? – Леха усиленно чесал затылок. – С ним вообще... Он что, тут двести лет проспал, что ли?

– Не знаю, Алексей, не знаю, – тяжело вздохнул профессор, – но что-то тут не так.

– И что будем делать? – почему-то шепотом спросил Леха.

– Прежде всего, думать, – ответил профессор. – Нужно хорошенько подумать и разобраться...

Леха неожиданно отскочил от профессора и, тыкая пальцем за его спину, закричал:

– Смотри! Смотри!

Профессор обернулся и вздрогнул. Из-за дерева, всего в метрах пяти–шести, на них смотрело странное существо, напоминающее оленя, только его шерсть переливалась цве-

тами. Животное постояло несколько секунд, и, когда резко развернулось, на его затылке люди заметили еще два глаза. «Олень» вдруг стал полностью зеленым, прыгнул и исчез в кустах.

– Что это было? – спросил Леха.

– Понятия не имею, – пожал плечами профессор.

– Куда это нас забросили, если тут даже олени четырехглазые да какие-то разноцветные?

В этот момент Кирилл Андреевич заметил на дереве птицу.

– Надо же, – кивнул он на ветку, – птица тоже четырехглазая.

– И, кажется, тоже разноцветная, – уточнил Леха.

– Да, точно, – присмотревшись, подтвердил профессор.

По-моему, мы попали на остров каких-то мутантов.

Неожиданно раздался истошный крик Марии. Мужчины кинулись к ней. Оказывается, ее напугала змея, которая выползла из-под листвы. Лицо Марии стало белым, словно манная каша. Она дрожала и пыталась что-то сказать, но у нее не получалось. Той-пудель, не обращая внимания на змею, с изумлением наблюдал за хозяйкой. Видимо, он испугался ее крика еще больше, чем она – змеи.

– И гадюка тоже с четырьмя глазами, – произнес Леха. – Очень странно.

– Смотри, барин, – отозвался Матвейка, державший в руках бабочку, – здесь у бабочек четыре глаза.

– Андреич, мне приятель рассказывал, что такие в Чернобыле летают... Елы-палы, – хлопнул себя по лбу Леха, – а мы случайно не в запретной зоне находимся? Может, тут радиация? Как проверить?

– Никак! – ответил профессор. – С помощью естественных человеческих чувств обнаружить ее нельзя.

– Может, по запаху или на вкус?

– В том-то и дело, что она не имеет ни вкуса, ни запаха, ни цвета. Она беззвучна и невидима.

– Но как-то же ее определяют? – развел руками Леха.

– Определяют, – тяжело вздохнул Кирилл Андреевич, – но обнаружить радиацию можно только с помощью приборов. Например, дозиметров или радиометров.

– Стремно, конечно. – Леха выругался и продолжил: – Но в любом случае что-то нужно делать...

В этот момент из пещеры вышел Дмитрий, рядом с ним шел парень на вид лет двадцати пяти.

– Знакомьтесь! Это Яр! – объявил Дмитрий. – Больше в пещере никого нет. Но Яр, между прочим, появился здесь благодаря мне.

– Что значит «благодаря тебе»? – удивился профессор.

– Я случайно уронил капсулу. Ну вы их видели, их там миллион. Она вдребезги, а на месте ее падения вдруг образовалось такое, знаете ли, – руками попытался изобразить шар Дмитрий, – облако, похожее на обычный пар. Через несколько секунд облако рассеялось, а на его месте прямо на полу

лежал Яр.

– Это так? – спросил профессор.

– Да, – кивнул Яр и спросил: – Ситер, а почему у вас и остальных нет анализаторов памяти?

– Что еще за анализатор? – удивленно спросил Леха. – И еще раз, как ты назвал профессора? Осетр или свитер?

– Ситер – это планетарное, то есть межконтинентальное обращение к человеку, когда не знаешь, с какого он материка. Что-то вроде гражданин мира, – пояснил Яр и спросил: – Вы с какого континента?

– Допустим, Евразия, – ответил профессор. – Почему «допустим»? – удивился Яр. – Вы не знаете точно, с какого вы континента?

– Знаю, – улыбнулся Кирилл Андреевич. – Но...

– Вы не ответили на мой вопрос, – перебил его новичок, – почему у вас отсутствуют анализаторы памяти? Я сообщу о вас в Высший совет.

– Еще один! Черт побери, откуда вы беретесь? – хмыкнул Леха. – Тот в компетентные органы собрался заявлять, этот – в какой-то верховный совет. Ты чего, чувак?

– Не в верховный, а в Высший совет! – поправил Яр. – Если в вашей голове нет анализатора памяти, это уголовно наказуемо. Немыслимо, недопустимо, это...

– Братан, остановись, – похлопал его по плечу Леха, – хватит причитать. «Немыслимо, недопустимо», – передразнил он Яра. – Все у нас мысленно и все у нас допустимо. Ты луч-

ше скажи, в каком году ты уснул? Ты ведь тоже случайно тут придремал, правильно я понимаю?

– Да, уснул, – подтвердил Яр. – Пока не могу разобраться, что произошло.

– Ну вот, видишь? – рассмеялся Леха. – Сам еще не разобрался, а уже сообщать куда-то собрался.

– Но...

– Давай без этих «но», – не дал говорить Леха, – ты так и не сказал, в каком году прикимарил.

– По какому летоисчислению вас утроит мой ответ? – спросил Яр.

– Новая эра у нас, – пояснил профессор, – то есть от Рождества Христова.

– Невероятно! – воскликнул парень и добавил: – Тогда, значит, в три тысячи двадцать седьмом.

– В каком? – недоуменно и хором спросили Леха и профессор.

– В три тысячи двадцать седьмом году, – повторил Яр и добавил: – Тридцать первый век.

– Профессор, – язвительно произнес Леха, – а мы тут с тобой удивлялись, сколько Матвейка проспал... А он, оказывается, просто прилег отдохнуть...

– А вы, я так понимаю, уснули ранее двадцать пятого века?

– Я – в две тысячи семнадцатом году, – вздохнул профессор и кивнул в сторону коллег по несчастью, – есть еще рань-

ше.

– Я тоже в две тысячи семнадцатом, – сказал Дима.

– И я, – сказала Мария.

– А я – в тысяча девятьсот девяносто седьмом, – грустно произнес Леха.

– Слушайте, Яр, – сказал Голиков, – а почему вы только что сделали акцент на двадцать пятом веке?

– С двадцать пятого века у нас началось новое летоисчисление. На Земле была страшная катастрофа, наша планета едва не погибла, но нам удалось ее сохранить. Высший совет решил, что наступила новейшая эра.

– Любопытно, – покачал головой профессор. – Надеюсь, вы нам расскажете все, что произошло на Земле, пока мы тут, как говорит наш коллега, «кимарили»?

– Если это будет вам интересно, с удовольствием, – пожал плечами Яр.

– Надеюсь, у вас больше нет к нам претензий по поводу отсутствия катализатора? – спросил Кирилл Андреевич.

– Анализатора, – поправил Яр. – Нет, вопрос исчерпан. Но теперь проблема у меня.

– Что еще? – хором спросили Леха, Мария и Голиков.

– У меня нет связи с паснетом.

– Это еще что такое? – спросил Кирилл Андреевич.

– Это как в древности интернет, только раньше можно было перемещать информацию, а теперь...

– Во как! – перебив, воскликнул Леха. – Никогда не ду-

мал, что меня живьем в древние люди запишут.

– Прощу прощения, – сказал Яр, – я не хотел вас обидеть.

– Да какие обиды, братан, шучу я, – рассмеялся Алексей.

– М-да! – вздохнул профессор и добавил: – Я тоже никогда не думал, что человек может прожить более тысячи лет.

– Товарищ, а вы можете объяснить, что с нами происходит? – неожиданно спросил Трухин у новичка.

– Могу. Я, кажется, понимаю, что произошло и со мной, и с вами, – сказал Яр. – Но мне необходимо немного подумать. У меня нет связи. Это очень плохо.

– Да у нас ни у кого нет связи. Все мобилы сдохли! – сказал Алексей.

– Что сдохло? – спросил Яр.

– Телефоны в смысле, – пояснил Леха. – А у тебя, кстати, есть телефон?

– Нет, – улыбнулся Яр. – Телефонов на Земле нет уже давно, лет пятьсот.

– А как же вы общаетесь? – удивился Москворецкий.

– Через анализатор памяти, – постучал себя по лбу Яр. – Подключаюсь к глобальной системе Паснет и говорю с теми, кто пожелал мне ответить.

– Запутал ты меня совсем! Слушай, – решил сменить тему Леха, – а что это за имя у тебя такое – Яр?

– Ярослав, – улыбнулся парень. – У нас принято обращаться к человеку по первым двум буквам.

– Если меня зовут Леха, значит я Ле? – улыбнувшись, сде-

дал вывод Москворецкий.

– Да, – кивнул Яр, – но в каталоге такого имени нет.

– Что еще за каталог? – удивленно спросил Леха.

– Каталог имен нашего континента, – ответил Яр.

– Как все у вас мудрено. А Алексей есть?

– Да, это общеизвестное имя.

– Значит я и Ле, и Ал? Правильно?

– Второе предпочтительнее, – сказал Яр. – А псевдонимы запрещены.

– Это еще почему? – удивленно спросил Леха. – Кому они помешали?

– Слишком много было совершено зла на Земле под псевдонимами, – ответил Яр, – и поэтому Высший совет их просто запретил. Да и к тому же они стали бессмысленными после открытия Закона о Всемирной Памяти.

– У меня что-то голова разболелась, – сказал Ле-Ал. – Всё как-то смешалось, нужно передохнуть. Только вот проблема: а чем ужинать-то будем? А, народ?

Все молчали, отозвался лишь Матвейка:

– Может, рыбки уловить?

– А на что ты ее улавливать будешь? – язвительно спросил Леха и рассмеялся.

– Если рыба в реке есть, барин, можно и палкой, – не смутился Матвейка.

– Ты это, мужик, – сказал Алексей, – прекращай нас тут баринами погонять, мы все тут равны. Одна беда на всех.

– Понял, ваше благородие.

– Ну вот, вы гляньте на него, я ему про Ерему, а он мне про Фому. Ну какое я тебе «благородие»?

– Прости, барин, неграмотный я. Как надо-то? – Матвейка чуть не заплакал.

– Леха я! Понимаешь, Алексеем меня кличут. Вот так и называй. Понял? Не барин, не благородие...

– Хорошо, ваше сиятельство, – выпалил Матвейка.

– Ты не доводи меня, Матвей, – нахмурился Леха и сжал кулаки.

– Так подскажи, барин, как правильно величать-то? – взмолился мужик.

– Так я тебе уже сто раз объяснил. Называй меня Лехой.

– Нельзя мне так своевольничать, можно и кнута получить...

– Какой кнут? Я тебе что, рабовладелец или помещик? Вот скажи, похож я на помещика?

– Да, ваше благородие, очень похож! – радостно закивал Матвей. – Вылитый наш барин, когда тот в город собирается.

– Тьфу на тебя, Матвей, ты точно дурак.

– Точно-точно, барин, дурак, каких свет не видывал, так что ты не серчай на меня, ладно? Я без злой воли, вот тебе крест! – Матвей перекрестился.

– Да пойми же ты наконец, Матвей, родной ты мой, нет тут теперь ни холопов, ни бар, ни господ, ни товарищей. – Леха покосился на делегата, тот следил за каждым его движением.

– Товарищи есть! – возразил Трухин.

– Мыкола, успокойся, – сквозь зубы процедил Леха, – не мешай мне проводить политико-воспитательную работу, а наши с тобой товарищи остались в двадцатом веке.

– Что за фамильярность? Почему вы себя так ведете? Вы хотите сказать, что сейчас другой век? – раскрыл рот Трухин.

– Я не знаю, спроси у этого, как его, юного Ярополка, что ли. Он тебе все объяснит.

– Ярослава, – поправил профессор. – Алексей, а Матвея ты не воспитывай, он сам постепенно привыкнет. Ему сейчас трудно понять твои требования. Веками вдалбливали одно, а тут вдруг ты предлагаешь называть себя по имени. Историю учил? Читал про Салтычиху? У них же это в крови – перед барином шапку ломать.

– Учту, – вздохнул Леха и, обращаясь к делегату, спросил: – А ты чего, Колек, все портфель обнимаешь? У тебя там что, касса партийная, что ли?

– Здесь очень важные документы, я могу их доверить только компетентным органам.

– А ну, дай посмотрю! – протянул руку Леха.

– Да вы что? Я не имею права. Это документы для ЦК КПСС...

– Дай почитаю! – рассмеялся Леха.

– Не могу, не имею права, – запричитал Трухин. – За это сразу партбилет на стол...

– Я вот не могу понять, – возмущенно произнес Леха, –

ты тоже дурак или притворяешься? Какие документы, какой ЦК? Посмотри: у нас человек из тридцать первого века пришел, мы все здесь проспали более тысячи лет.

– Это еще неизвестно, – заявил Яр.

– Что? – удивился Леха. – Ты же сам сказал, что уснул в три тысячи двадцать седьмом году. Пошутил, что ли?

– Нет, – сказал Яр. – Но мы ведь не знаем, сколько я тут спал вместе с вами. Если мы обнаружим капсулы, например, пятого или шестого тысячелетия, то...

– Да теперь, собственно, нам какая разница... – махнул рукой Кирилл Андреевич. – Остается одно: организовать свой быт и до конца жизни слушать лекции жителя четвертого тысячелетия. Думаю, нам всем будет интересно.

Дмитрий разместился под деревом, сел на землю, склонил голову и задумался.

– Чего ты, парень? – спросил профессор.

– Грустно как-то, – сказал Дмитрий. – Вспомнил своих родных, друзей, девушку... Где они сейчас?

– Эх, брат, они остались навсегда там, в двадцать первом веке. Очень много прошло времени. Я сам до конца не могу понять, как это случилось. Но у нас теперь есть очень осведомленный консультант – человек из будущего. Хотя это для нас он таким является, а, может, он для кого-то такой же древний, как и мы для него. Не грусти, парень. Что бы ни случилось, жизнь продолжается. Читал «Два капитана» Каверина?

– Угу, – кивнул Дмитрий и улыбнулся, – в детстве это была моя любимая книга.

– Так вот! – Профессор поднял вверх указательный палец: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!»

– Точно! – твердо произнес Котуков. – Значит, и мы найдем выход из сложившейся ситуации!

– Молодчина! – Профессор похлопал парня по плечу. – Обязательно найдем. Кстати, а ты знаешь, откуда взял эти слова Санька Григорьев?

– Нет, – покачал головой Дима.

– Они были вырезаны на могильном кресте в Антарктиде, поставленном на холме Обзервейшин Хилл в память об английском полярном путешественнике Роберте Скотте и его товарищах: «To strive, to seek, to find, and not to yield!»

Глава 2

Прошло около двух часов. Никому не хотелось разговаривать, каждый размышлял о чем-то своем. Лишь Тоша беззаботно носился по лужайке и иногда лаял на четырехглазое подобие бабочек. Дмитрий уснул под деревом, отдаленно напоминающим березу. Москворецкий сначала пытался разговаривать Марию, но, поскольку та отвечала односложно и неохотно, в конце концов умолк и он. Трухин читал книгу, иногда отрываясь и с опаской поглядывая по сторонам. Матвейка соорудил приспособление для рыбной ловли. Яр и Кирилл Андреевич все это время провели в пещере. Выйдя из нее, профессор спросил:

– Ну что, коллега, есть какие-то соображения?

– Да, есть, – ответил Яр, присаживаясь на траву. – Судя по содержимому грота, здесь кто-то организовал хранилище.

– Кто это мог сделать? – спросил профессор, устраиваясь рядом.

– Точно сказать не могу, но абсолютно убежден, что представители внеземного сверхразума, – ответил Яр. – Если бы здесь находились капсулы только из тридцать первого века, можно было бы подумать на кого-то из землян. Но, согласитесь, как земляне могли заархивировать человека из девятнадцатого или двадцатого веков...

– Погодите, – перебил Кирилл Андреевич, – что значит

«заархивировать человека»?

– Заархивированный человек находится в капсуле. Теперь это очевидно, он может храниться в таком состоянии очень длительный период. Вы и ваши современники – тому наглядный пример. У нас такие эксперименты приостановлены Высшим советом, поскольку нам не удастся восстановить память человека после его разархивации. Мы архивируем животных, насекомых – да что угодно. В такую капсулу можно «загнать» даже дом приличных размеров. Но человека архивировать запрещено. Я просто поражаюсь, как они смогли заархивировать девушку вместе с собакой? Даже мы в четвертом тысячелетии не смогли этого сделать.

– Выходит, кто-то много-много лет хозяйничал на нашей планете, – сказал Кирилл Андреевич.

– Да, – согласился Яр. – Вы видели темные коридоры, ведущие от центральной аллеи в пещере?

– Видел, – ответил профессор.

– Я думаю, что здесь хранятся несколько тысяч капсул, – сказал Ярослав.

– Но почему здесь все из России?

– Пока точно неизвестно, все ли из России... – ответил Яр.

– Интересно, кому это нужно? – спросил профессор.

– Узнав ответ на этот вопрос, мы решим полпроблемы, если не больше, – ответил Яр и добавил: – То, что мы проснулись, – это случайность.

– Да, кстати, меня это очень сильно удивило, – ухмыльнулся профессор. – Открытая пещера, а мы тут спим тысячу лет.

– Обратите внимание вон на ту глыбу, – перебил Яр и пальцем показал на камень рядом с входом в пещеру. А теперь смотрите на левую сторону входа. Что вы видите?

– Точно! – воскликнул Кирилл Андреевич. – Это же отколотый кусок скалы!

– Да, – подтвердил Яр. – Видимо, здесь произошло землетрясение. Внутри пещеры посыпались камни, некоторые упали на ваши капсулы, и вы проснулись...

– Так нам еще повезло, что образовался выход, – покачал головой профессор.

– Повезло, и очень сильно, – подтвердил Яр, – поскольку грот был законсервирован. Если бы кусок скалы не отвалился, вы бы погибли внутри пещеры без света и воды.

– Я думаю, капсулы расположили в хранилище по какой-то системе, поскольку мы оказались почти из одной эпохи, – предположил профессор. – Матвей чуть подальше, а остальные все рядом.

– Да, я тоже так думаю, – согласился Яр. – Моя капсула находилась в самом конце нашей аллеи. Нужно будет заняться расшифровкой надписей на пластинах из-под капсул. Кирилл, я хотел попросить вас поговорить с вашими людьми, чтобы они ничего не трогали в гроте и ничего не передвигали. Иначе потом мы запутаемся, а тут еще я отключен от

глобальной сети.

– Хорошо, я поговорю. Кстати, пойдёмте, пройдемся к воде, – предложил Кирилл Андреевич.

– Пошли, – согласился Яр.

Они поднялись с земли и направились к водоему, решив заодно обследовать близлежащую территорию.

– Кирилл Андреевич! Кирилл Андреевич! – окликнул его Дмитрий. – Вы к реке? Можно я с вами?

– Идем, – махнул рукой профессор, и они отправились втроем.

Подойдя к реке, они набрали воды в ладони и выпили.

– Никогда бы не подумал, что мне в тридцать первом веке придется вот так утолять жажду, – улыбнулся Яр.

– Да мы с Дмитрием и в двадцать первом уже так не пили, верно?

– Верно! – подтвердил Котуков.

Все трое расположились на берегу. По воде плавали птицы, иногда взлетая и садясь на противоположном берегу.

– Насколько мне известно, – продолжил разговор Яр, – в двадцать первом веке люди уже понимали, что главное – это сохранить здоровье, увеличить продолжительность жизни?

– Понимать-то понимали, но... в нашем веке еще слишком много несуразностей.

– Было много несуразностей, – поправил Яр.

– Ну да, – усмехнулся профессор, – конечно, было. Я все еще не могу привыкнуть к тому, что наша жизнь осталась в

прошлом. Какая-то невероятная история. Пока она не умещается в моей голове. Да, кстати, Яр, позвольте узнать, а какова сейчас, в смысле в тридцать первом веке, средняя продолжительность жизни на земле?

– В тридцатом веке нам удалось поставить рекорд – двести лет. Но ученые говорят, что это не предел. В ближайшие два–три века люди, вероятно, смогут жить и триста лет.

– Ну вы даете, ребята! – улыбнулся Кирилл Андреевич.

– А мне можно вопрос, Яр? – вмешался Дмитрий.

– Конечно можно, – кивнул Яр.

– А вам сколько лет? – спросил Дима.

– Девяносто, – ответил Яр. – Конечно, без учета сна в гроте.

– Ничего себе! – удивился Дмитрий. – У нас таких называют... называли долгожителями.

– Раньше экология была ужасной, – пояснил Яр.

– Да и до ужасной экологии люди столько не жили, – возразил Дима.

– Согласен, но в глубокой древности не была развита медицина, – пояснил Яр. – Сейчас, то есть в то время, когда жил я, и с экологией разобрались, и медицину подняли до небывалых высот.

– Я правильно понимаю, что в тридцать первом веке земляне в атмосферу не выбрасывают миллионы тонн вредных веществ? – спросил Кирилл Андреевич.

– Нет, что вы! – замотал головой Яр. – Это большое, очень

тяжкое преступление.

– А как же энергия? Чем вы...

– Все оттуда. – Яр показал на небо. – Человечество научилось использовать солнечную энергию по максимуму. Да и глупо не использовать то, что лежит на поверхности.

– Нефть, газ и прочее уже не в ходу? – спросил Кирилл Андреевич.

– Лет семьсот точно, – кивнул Яр. – Последний автомобиль на нефти...

– На бензине, наверное, – поправил Дмитрий.

– Да, точно, – улыбнулся Яр. – Так вот, последний автомобиль на бензине, вернее, двигатель к нему, был уничтожен в 2370 году. Это были уже музейные экспонаты, их запретили запускать.

– А на чем же вы передвигаетесь? – удивился Дима.

– Все через паснет. В любую точку земли вас доставят в течение часа. Есть, правда, и индивидуальные эфиролеты. Они работают от солнечной энергии, а передвигаются над землей с помощью радиоволн.

– А аварии бывают? Они сталкиваются? – поинтересовался Дима.

– Нет, что вы! – рассмеялся Яр. – Они не могут столкнуться. Даже пролетая на расстоянии нескольких миллиметров, они не прикоснутся друг к другу. Ими управляет искусственный интеллект. В двадцать восьмом – двадцать девятом веке еще случались накладки, но теперь это в прошлом.

В принципе, сейчас на земле индивидуальный транспорт не нужен. Смысла в нем нет. Ты вызываешь капсулу на такое количество человек, на какое тебе необходимо, она стыкуется прямо к твоему жилищу. Дальше ты выбираешь пункт назначения, и через несколько минут ты на орбите. А еще через несколько минут космолифт спускает тебя к тому месту, куда ты запланировал прибыть. Какие проблемы? Зачем индивидуальный транспорт? Им пользуются государственные деятели, курьеры, дипломаты, жители Марса, Луны и так далее.

– Жители Марса? – Дмитрий раскрыл рот. – Вот это да! На Марсе есть жизнь?

– Да уж давно, мы еще в двадцать четвертом веке построили там поселения, как на Луне.

– И на Луне? Вот это да! А вы были на Марсе? – спросил Дима.

– Я там работаю, – улыбнулся Яр. – Месяц тружусь на Марсе, потом улетаю и месяц отдыхаю на Земле.

– Здорово! А я могу туда попасть? – неожиданно спросил Дима.

– Конечно. Туда можно слетать по туристической карте, – сказал Яр и, вздохнув, добавил: – Только сначала нужно отсюда выбраться.

– Да выберемся, – рассмеялся Дмитрий. – Раз уж проснулись, теперь выберемся.

– А сколько времени вам нужно сейчас, чтобы добраться

до Марса? – спросил Кирилл Андреевич.

– Есть два вида транспорта, – пояснил Яр, – коммерческий и рабочий...

– Ну коммерческий, конечно, намного быстрее, – язвительно произнес профессор.

– Нет, наоборот, – улыбнулся Яр. – Коммерческий – с туристами, летит неделю, а рабочий – трое земных суток. Я заметил ваш сарказм, коллега, но сейчас у нас на планете все подчинено в первую очередь целесообразности. Турист отдыхает, а марсиане (так мы называем тех, кто трудится на Марсе) работают на благо планеты, на благо нашего континента.

– А что значит «на благо континента»? – спросил профессор. – Континент – это...

– Это отдельное государство, их теперь на планете пять: наше, Северная Америка, Южная, Австралия и Африка.

– Но вы говорите по-русски, это значит...

– Это значит, что у нас теперь на континенте два государственных языка – русский и китайский.

– А как же остальные? – удивился профессор. – Английский, немецкий, итальянский, французский и другие?

– Все сохранены, но они являются региональными языками, – ответил Яр. – А бывший материк Евразия теперь называется Росазия.

– Удивительно, – покачал головой Кирилл Андреевич. – Просто удивительно. В наше время темные силы пытались

расчленил Россию на мелкие государства, посеять рознь между народами. Значит, сделать это никому не удалось?

– Не удалось! Я не историк, конечно, но у меня здесь много информации... – сказал Яр и постучал себя по голове.

– Да, кстати, – показал профессор на лоб Ярослава, – а что это за анализатор памяти, можете пояснить? А то вы, ссылаясь на законы тридцать первого века, нас даже в преступники записали...

– Да, сейчас запрещено жить на планете без анализатора. Это не только дополнительный объем памяти, но и индивидуальный аналитический центр.

– Что-то вроде дополнительных мозгов? – спросил профессор.

– Можно и так сказать, – улыбнулся Яр и добавил: – Но самое главное – это еще и детектор узнаваемости.

– Неужели человек не может без этого обойтись? – задумчиво произнес Кирилл Андреевич.

– Да, – утвердительно ответил Яр. – Дело в том, что наш мозг не может претендовать на право истины, поскольку эволюция создала его несовершенным, то есть как бы в спешке, не учитывая реалий и интерпретаций космического бытия. Наш мозг не способен сразу понимать законы всего мироздания. Именно поэтому после войны с инопланетянами в двадцать пятом веке внедрение анализатора в мозг человека стало обязательным для всех землян. Это своего рода мощнейший компьютер, дополнительная память или, как вы вырази-

лись, дополнительные мозги, способность анализировать ситуацию, мгновенное распознавание чужепланетца. Почему я и удивился, встретив вас...

– Вы приняли нас за инопланетян? – рассмеялся Дима.

– Да, – подтвердил Яр, – поскольку сейчас на планете вы не встретите землянина без анализатора памяти. Его встраивают в мозг при рождении. Это еще и электронное удостоверение личности, вся родословная человека, его профессиональная принадлежность и так далее.

– То есть все под колпаком государства, – произнес профессор с сарказмом и тяжело вздохнул.

– Нет-нет, государство в личную жизнь человека без надобности не вмешивается...

– Без надобности... – усмехнулся Кирилл Андреевич. – В этом и подвох...

– Никакого подвоха, – возразил Яр. – У нас очень развита судебная система. Только суд может дать добро на проверку вашей памяти, но для этого нужны очень и очень веские основания. То есть если вас заподозрили в совершении тяжкого преступления.

– Что это за преступления? – спросил профессор.

– В основном убийство, государственная и планетарная измена.

– Значит, люди продолжают убивать и предавать? – покачал головой профессор.

– К сожалению, да, – сказал Яр. – Наверное, это искоре-

нить невозможно. Люди передвигались на лошадях, затем – на автомобилях, теперь – на эфиролетах, но ничего не изменилось в их психологии: они все по-прежнему влюбляются, ревнуют, изменяют, ругаются, завидуют, предаются, мстят и так далее. Здесь мы бессильны. Когда на нас напали инопланетяне, они хотели нас изменить, сделать из нас своего рода роботов, правильных и послушных...

– Не эти ли инопланетяне нас сюда забросили? – спросил Кирилл Андреевич.

– Я думаю, нет. Это какой-то другой сверх-разум. Еще в ваше время ученые начали изучать звезду Сириус. Вы наверняка знаете о ней. Однако в двадцать первом столетии не хватало технических возможностей для ее подробного изучения. В наше же время космобеспилотники стали совершать экспедиции далеко за пределы Солнечной системы.

– Даже так? – удивился Кирилл Андреевич. – В двадцать первом веке это казалось неосуществимым.

– Благодаря этому, – продолжил Яр, – на орбите Сириуса были обнаружены разные планеты. Наши беспилотники стали получать различные сигналы, но даже в тридцать первом веке мы не смогли их расшифровать и изучить. А в последнее время стали догадываться, что за нами кто-то следит из космоса. Мы применили все наши способы обнаружения объектов, но ничего не нашли. А шпионы все же оставляли следы, например, космический мусор непонятного происхождения на орбите Земли. Более того, во все века бес-

следно и при странных обстоятельствах исчезали люди. Теперь вот становится ясно, где они все... и мы в том числе, оказались.

– Вы думаете, здесь хранятся те, кто пропал без вести?

– Подозреваю, что так, – кивнул Яр. – Не все, конечно, но есть и такие.

– Но у вас же этот, как его... микрокомп в голове, – сказал Дмитрий. – Вас должны были засечь какие-то приборы. Как же вас похитили?

– В заархивированном виде анализатор не действует.

– У меня в голове не укладывается, – сказал профессор, – как можно сжать живое существо до таких размеров, а потом его оживить? Уму непостижимо!

– А вы попробуйте Матвею объяснить, что такое аэродинамика и почему многотонный металлический самолет в двадцать первом веке летал по небу и не падал на землю, – рассмеялся Ярослав.

– И то верно! – согласился Кирилл Андреевич.

Неподалеку раздался смех: к собеседникам приближались Мария и Алексей. Он что-то ей рассказывал, та звонко смеялась. Увидев Профессора и Дмитрия с Яром, парень с девушкой пояснили, что их сюда привела жажда.

– Вы пили воду прямо из реки? – удивилась Маша.

– А что делать? – пожал плечами Кирилл Андреевич. – Самоваров нам в пещеру никто не завозил.

– Не представляю, как же ее пить? – скрестила Маша руки

на груди и, вдруг заметив, что ее пудель набросился на воду, закричала: – Тоша, фу! Фу, собака! Что ты делаешь? А вдруг заболеешь?

– Ну что ты ему фукаешь, – махнул рукой Леха. – Пусть попьет.

– Не представляю, чем мне его кормить, – закатила глаза Мария.

– Ты подумай сначала, что ты сама будешь есть, а она о пуделе беспокоится, – съязвил Леха.

– Мне не привыкать, – хихикнула Маша, – я могу три дня ничего не есть, жить на одной воде. А вот как быть с Тошей, даже не знаю.

– То есть ты думаешь, что мы провалялись здесь тысячу лет, а теперь за три дня решим вопрос и разъедемся по домам? – съязвил Алексей.

– Ну так мы же проснулись? – резонно заметила Маша. – Что нам тут теперь делать?

– И твои предложения? – Москворецкий в упор уставился на девушку.

– Найти людей и... ехать домой, – сказала Мария.

– А где наши дома? Кто нас ждет? – нахмурился Леха. – И еще вопрос: ехать, извини, на чем? На разноцветных оленях?

– Обратимся в полицию, объясним, так, мол, и так, нас похитили, а теперь вот мы нашли. У меня, кстати, и паспорт с собой. Даже два – еще и заграничный, мне недавно выдали на десять лет.

– Ага, как найдемся, смотаемся на Гоа, – съехидничал Ле-
ха. – Не против?

– Почему на Гоа? – насупилась Мария. – Может, у них
другие курорты есть? И вообще, если честно, я не верю во
все эти тридцать первые века и так далее. Мне кажется, я
этого Яри-ка видела в турфирме. Уверена, это просто мой
«Экстрим-Тур». Не зря же я пять тысяч долларов заплатила.

– А что это у тебя за телефон? – спросил Алексей, заметив
в руке Марии трубку, и протянул руку. – Дай взгляну.

– Это смартфон, – сказала Мария.

Алексей покрутил его в руке и с удивлением спросил:

– А почему он без кнопок? Как же с него звонить?

– Ха! – ехидно произнесла Мария. – Леша, какой ты ди-
кий! Тут же сенсорный экран.

– Сама ты дикая, – возмутился Леха, – сказано же: я сплю
с 1997 года. Чего ты выпендриваешься?

– Да шучу я, Лешенька, – рассмеялась Маша. – Ну тут
прямо на монитор нужно давить, кнопки виртуальные. По-
нимаешь?

– Понимаю. Так сразу и объяснила бы...

Леха задумался, затем отошел к дереву, сел под него и за-
крыл глаза. Мария долго ходила по берегу, в конце концов
тоже напилась воды из реки. Через некоторое время сюда
подтянулись и Трухин с Матвеем. Все хотели есть. Матвей
приступил к рыбной ловле, остальные стали за ним наблю-
дать, и вдруг профессор громко рассмеялся:

– Вот уж воистину говорят: один с сошкой, семеро с ложкой.

– У нас чуть по-другому, – поправил Леха, – один с удочкой, шестеро с ложкой.

– Ничего не по-другому, – возразила Мария, – нас как раз семеро!

– Семеро, но Матвей-то с сошкой! – сказал Леха.

– Да, Матвей с сошкой, но нас-то семеро – с Тошкой.

Услышав рифму, все дружно рассмеялись, а Дмитрий повторил только что родившуюся новую пословицу:

– Матвей с сошкой, а нас семеро с Тошкой.

– Смех смехом, – сказал профессор, – а нам нужно подумать и о ночлеге, и об ужине. Да и о завтраке не мешало бы. Во-первых, сегодня уже бессмысленно отправляться на поиски братьев по разуму, а во-вторых, посмотрите, как небо заволочло. По-моему, собирается дождь.

– Я не могу понять одного, – развел руками Ярослав, – почему у меня нет связи с космосом. Это настолько невероятно. Я даже не знаю, что и думать.

– Твой чип не работает? – поинтересовался Котуков.

– Работает, но в автономном режиме, то есть от энергии моего тела, но это не главное. Вы ведь тоже живете без этого устройства. Оно позволяет мне понимать и говорить на любом языке или адаптировать русскую речь к любому столетию. Я могу по памяти прочесть любое произведение – хоть древних авторов, хоть современных. Но без связи с паснетом

я не могу ни с кем общаться. Даже не представляю, в каком месте мы сейчас находимся. Навигационная система отключена, связи с орбитой нет. Это все очень странно. Этого просто не может быть.

– Не может быть, но ведь есть, – уныло усмехнулся Дмитрий.

– Не понимаю, что происходит! – ответил Яр. – Я живу в тридцать первом веке, и такое...

– Теперь не имеет значения, кто в каком жил веке, друзья. – Кирилл Андреевич встал и начал прохаживаться. – Мы все оказались в равных условиях. Связи с внешним миром нет, людей рядом с нами не наблюдается, нас семеро человек плюс собака, мы должны позаботиться о том, как нам здесь выжить. И начинать мы должны прямо сейчас. Первое: нужно заготовить дрова. Ночью в пещере может быть прохладно, а пледов, одеял и матрасов нам тут никто не оставил. Выход один: развести костер и поддерживать огонь до утра. Второе: нужно собрать камней и на ночь загородить вход, чтобы не повстречаться с местными любителями полакомиться человечинкой.

– Господи боже мой! – вздрогнула Мария. – Какие ужасы вы говорите, Кирилл Андреевич, у меня аж мороз по коже.

– Простите, Мария, но сейчас нам не до сантиментов. Мы сегодня видели непонятого оленя, а кто нам даст гарантию, что к нам ночью не пожалует какой-нибудь медведь или лев? Все может быть! Не молчите, предлагайте свои варианты. Я

не преувеличиваю, ситуация более чем серьезная. Проблема в том, что о нас никто не знает. Мы пролежали здесь как минимум тысячу лет, никто не пришел, не поинтересовался, что это за колбочки такие тут стоят. Если бы о нас знали, мы бы все уже давно проснулись и прожили бы свои жизни. Но так вот получилось, что нам предстоит жить всем вместе здесь и сейчас. Думайте, друзья. Усиленно думайте!

Подошел Леха и, показывая рукой на пещеру, сказал:

– Взгляните туда! Ничего не напоминает? Только внимательно! Когда я служил в армии, у нас так выглядело овощехранилище.

– Очень меткое сравнение, – согласился Кирилл Андреевич, кивая головой. – Впрочем, нас здесь и хранили, словно овощи. Только в капсулах.

– Вот-вот! Мне эта мысль не дает покоя, – сказал Алексей. – Кто и для чего нас тут столько лет мурыжил? Кому мы понадобились, да еще в законсервированном виде? Вроде огурчиков-помидорчиков в банках.

– Зато прожил тысячу лет! – усмехнулся и произнес с сарказмом в голосе Кирилл Андреевич.

– Если честно, меня это как-то не радует, – вздохнул Леха. – Во-первых, не прожил, а проспал. Ну как это так: проспать всю жизнь в какой-то яме! А во-вторых, что это такое? – Он раскинул руки и сделал оборот на триста шестьдесят градусов. – Где наша жизнь? Здесь? С этими, – кивнул он в сторону кустов, – четырехглазыми кракозябрами? Эх, –

тяжело вздохнул Леха и, махнув рукой, добавил: – Да ладно, переживем. Что теперь хныкать?

В небе раздался гром, сверкнула молния. Все, кроме Матвея, поторопились в укрытие. Матвей, не обращая внимания на небесные проделки, продолжил рыбачить.

Глава 3

Огонь добыли относительно скоро. Помог сибиряк Николай Борисович Трухин. Оказывается, когда он был еще студентом, с однокашниками любил ходить в походы. В одном из таких походов в тайге они заблудились. Два дня плутали по лесу и лишь на третьи сутки случайно вышли к охотничьему домику. На их счастье, там оказались охотники. Один из них научил Трухина добывать огонь в экстремальных условиях, то есть без спичек и зажигалок.

Николай Борисович кряхтел, лохматил листья, тер о камень высохший сук, дул на листья, потом снова усиленно тер, что-то приговаривая. Вскоре раздался радостный крик, и, увидев маленькие сине-розовые язычки пламени, все выразили восторг аплодисментами, а потом подошли к Трухину и пожали ему руку. Улыбаясь, он благодарил всех в ответ и даже кланялся. Подошел и Леха.

– Красавец, Коля. – Он крепко пожал руку делегату и хлопнул его по плечу. – Теперь я вижу, что ты настоящий большевик – «из искры возгорится пламя!» Правильно говорю?

– Так точно! – довольно улыбнулся Трухин.

– Теперь осталось дожидаться твоего «холопа» и пожарим рыбки, если, конечно, он что-то уловит.

– Алексей, ну что вы такое говорите? – смутился Тру-

хин. – Какой еще мой холоп? У человека просто нарушена психика и...

– Стоп! – Леха выставил вперед руку. – Ты это сейчас серьезно говоришь?

– Вполне! – кивнул Николай Борисович.

– То есть ты так и не понял, что случилось? – нахмутив брови, спросил Алексей.

– Понимаете, в чем дело, – откашлявшись в кулак, начал Трухин, – я материалист, диалектик, так сказать, марксист-ленинист, а у нас с этим строго! Мы не верим во все эти сказочки про бога, про...

– А бог-то тут при чем? – усмехнулся Леха. – Мы же не о религии сейчас говорим: дескать, прибыли к воротам рая и ждем своей участи.

– Понимаю, – сказал Трухин, – но вы сами верите в то, что человек может проспать тысячу лет? Вы видели египетские мумии?

– Да ну тебя, – махнул рукой Леха. – Сравнил нас с мумиями. Мы же не как мумии хранились. Послушай, что Ярополк рассказывает.

– Ярослав, – улыбнувшись, поправил Трухин. – Ярославом его зовут.

– Ну Ярослав, какая разница, одно и то же: Яр.

– Честно говоря, – Николай Борисович перешел на шепот и приблизился к Лехе вплотную, – я не верю во все это. Мне кажется, здесь замешана Мария Николаевна. Вы же слыша-

ли, что она рассказывала о какой-то путевке? Скорее всего, она попала под чье-то буржуазное влияние, кто-то запудрил девчонке мозги...

– Ты чего? – раскрыл рот Леха.

– Да-да-да! – Трухин схватил Москворецкого за пуговицу и начал ее крутить. – В Москве очень много иностранных агентов. Они идут на разные хитрости, чтобы...

– Ты что делаешь? – Леха отвел руку Трухина от своего пиджака. – Ты мне пуговицу оторвешь.

– Извините, Алексей, это я от волнения, – сказал Трухин, – так вот, чтобы сбить с толку советского человека, агенты...

– Товарищ делегат, – ухмыльнулся Алексей, – ты знаешь, когда человек умирает, он не знает, а другим трудно.

– Согласен, – кивнул Трухин и удивленно спросил: – А вы это к чему?

– К тому, что, когда человек тупой, все точно так же!

Николай Борисович нахмурился, почесал указательным пальцем переносицу и уже хотел было отойти в сторону, но потом все-таки решил продолжить разговор:

– Зря вы, Алексей, пытаетесь меня оскорбить и унижить. Видимо, вы плохо знакомы с методами империалистических спецслужб. Вы не представляете, насколько коварны их агенты...

– Коль, остановись. – Леха положил руку на плечо делегата двадцать шестого съезда. – Ты сейчас несешь полнейшую

чушь. Ну какие агенты? Какое буржуазное влияние? Какие на фиг спецслужбы? Я сам жил в 1997 году. В России давно капитализм, советской власти нет и в помине, партии твоей тоже нет...

– Вы хотите сказать, что и коммунистов нет? – настороженно спросил Трухин.

– Ну коммунисты есть... вернее, были в то время. Только партия их называлась КПРФ, а главный у них этот, как его, ну тоже, как Ленин, лысый такой и большелобый... Как же его... О! Вспомнил: Геннадий Зюганов.

– Геннадий Зюганов? – с изумлением спросил Трухин. – Вы ничего не путаете?

– Не путаю, – замотал головой Леха. – Вон спроси у профессора, он подтвердит. А чего ты так удивился?

– И он теперь генеральный секретарь?

– Ну я в ваших должностях не разбираюсь, секретарь он генеральный или минеральный... Но он был главным у коммунистов...

– А вы не помните его отчество? – спросил Трухин.

– Андреевич, по-моему, – ответил Леха и, подумав немного, добавил: – Да, точно, Зюганов Геннадий Андреевич. Ты мне скажи, почему ты так о нем расспрашиваешь?

– С ума можно сойти! – воскликнул Трухин. – Если это правда, в смысле, если это точно он, то мы с Генкой в конце семидесятых вместе учились в Академии общественных наук. Он в 1980 году защитил кандидатскую диссертацию,

что-то там о развитии социалистического городского образа жизни. Мы с ним частенько спорили на различные темы... Так вон оно как обернулось – в руководители партии выбились. Надо же... Ну, Генка, ну ты даешь!

– Ладно, пошел я за дровами, – махнул рукой Леха, – с тобой бесполезно что-то обсуждать. Заладил: не верю, не верю!

– И вы тоже сразу не верьте. Карл Маркс учил: во всем сомневайся!

Спустя некоторое время в пещере недалеко от выхода полыхал костер внушительных размеров. Николай Борисович по периметру огня выложил камни, оставляя между ними небольшие просветы, как он пояснил, для поддувания воздуха.

– Я нарочно разместил очаг ближе к выходу, – объяснил Трухин профессору, – здесь естественная вытяжка плюс огонь. Жар отпугнет зверье всякое.

– Хорошее слово вы употребили, коллега, – улыбнулся Голиков. – «Очаг»!

– Да, – согласился истопник. – Слово замечательное, символическое.

Откуда-то из глубины пещеры Дмитрий приволок что-то наподобие металлического шлема времен древнеримских солдат.

– Смотрите, что я нашел! – радостно объявил он. – Теперь у нас есть возможность хранить воду.

– Молодчина, – похвалил его профессор. – Дай-ка я по-

смотрю, что это такое.

Остальные подошли, чтобы рассмотреть находку.

– Любопытная вещица, – сказал Яр, – но, к сожалению, я не могу сказать, что это.

Не смогли ничего сказать и остальные члены сообщества.

– Ребята, пока не стемнело, может, вы сходите к реке? Попейте воды, наберите котелок, – кивнул на шлем Кирилл Андреевич, – да заодно узнайте, как там наш рыбак поживает.

– Димон, пошли, – охотно согласился Москворецкий.

Вернулись они втроем, и снова в пещере раздались аплодисменты, в этот раз в честь Матвея – он умудрился поймать штук десять рыб с ладонь, а одну вообще полуметровую.

– Вы взгляните на нашего Матвейку из Романовки, – объявил прямо на входе Леха и, похлопав мужика по спине, добавил: – Твой барин-то небось был бы доволен!

– А то как же! – гордо ответил Матвей. – Я в рыбалке всегда был шибко шустрым. Таких вот, – развел он руками, – налимов вытаскивал, будь здоров.

– Машка, – гаркнул Леха, – надевай фартук – и на кухню! Будешь у нас заведующей столовой.

– Объявляю матриархат, – парировала Мария и громко рассмеялась. – Нечего тут мною командовать!

– Ну раз матриархат, – возразил Леха, – в следующий раз сама рыбачить пойдешь!

– Не-не! – испуганно воскликнул Матвей. – Барин шутит! Вы, барыня, не беспокойтесь, я все сам сделаю: и наловлю,

и пожару. Сидите-сидите, отдыхайте. Не барское это дело, рыбу на кострах жарить!

То, что и рыбы здесь оказались четырехглазыми, похоже, никого уже не смутило.

Матвей, к удивлению всех, прекрасно справился с обязанностями повара. Через полчаса народ собрался за воображаемым столом. Учитывая, что едоки с утра ничего не ели, ужин показался им царским.

После него Голиков Кирилл Андреевич предложил провести собрание. В этот раз поучаствовать согласился даже Николай Борисович.

– Итак, друзья, – начал профессор, – хотим мы этого или нет, но, чтобы выжить в таких условиях, нам нужно избрать руководителя нашего, так сказать, спонтанного товарищества. Какие будут предложения?

– Я считаю, что главным нужно избрать профессора, – тут же предложил Москворецкий.

– Правильно! – поддержала Мария.

– Спасибо, – сказал Кирилл Андреевич и добавил: – Ставлю на голосование! Кто «за»?

Руки подняли все, кроме Матвея и Трухина.

– А вы чего? – спросил Леха.

– А что нужно делать? – испуганно спросил Матвей.

– Ты согласен, чтобы профессор был у нас за главного?

– А кто меня спрашивать-то будет? – раскрыл рот Матвей.

– Так вот же я у тебя и спрашиваю: согласен или нет?

– Согласен-согласен, ваша светлость!

Все рассмеялись. И лишь Трухин сидел с серьезным выражением лица.

– А ты чего, Коля? – обратился к нему Леха.

– Я воздержался! – ответил Николай Борисович.

– Это еще почему? – удивленно спросил Леха. – Ты против коллектива, что ли?

– Нет, не против, – поправил Трухин, – просто я воздержался.

– Так, ребята, – вмешался Голиков, – принуждать никого не нужно. Николай Борисович прав на все сто. Он пока не определился. Остальным спасибо за оказанное доверие.

– А как мы назовем вашу должность? – поинтересовалась Мария и тут же предложила: – Давайте генеральным директором.

– Ага? – усмехнулся Леха. – Мы что тут, турфирму твою открываем?

– Ну почему сразу мою? – возмущенно воскликнула Мария.

– Я предлагаю назвать секретарем ячейки! – отозвался Трухин.

– А тебе все ячейки и парткомы снятся, – хмыкнул Москворецкий. – Как голосовать, так он воздержался, а как должность придумывать, он в первых рядах.

– Ну тогда давайте назовем председателем, – сказал Трухин, пропустив замечание Алексея.

– У нас же не колхоз тут? – возразил Леха.

– Вам все не нравится, Алексей! – ответил Трухин. – Тогда сами предложите.

– Я предлагаю назвать профессора главарем! – вдруг выпалил Леха.

– Ну уж нет, – рассмеялся Голиков. – Никаких главарей. Мы что тут, Али-Баба и сорок разбойников?

– Предлагаю спикера, – заявил Яр.

– Это еще кто такой? – удивился Леха.

– Так у нас называют руководителей, – пояснил Яр.

– По большому счету все это формальности, – сказал Кирилл Андреевич, – но я бы согласился с Николаем Борисовичем. Как ни крути, друзья, а мы только что создали самый настоящий колхоз, то есть, по сути, коллективное хозяйство. Так что «самозванцев нам не надо, председатель буду я», – в годы моего студенчества ходила такая шутка.

– Что ни час, то новости, – поднял руки вверх Леха, – вот и докатился: был авторитетным чуваком, стал колхозником.

Снова в пещере раздался смех, шутка понравилась. После того, как все успокоились, слово взял председатель:

– А теперь, друзья, на правах руководителя нашего сообщества позвольте сделать ряд заявлений. Перво-наперво прошу всех выполнять мои требования теперь беспрекословно. Поймите, это нужно не мне, прежде всего это необходимо каждому из вас. Запомните: главная задача – сохранить наши жизни. Если мы не будем выполнять элементар-

ные требования и условия техники безопасности, у нас могут очень скоро наступить большие проблемы.

– Можно подумать, они сейчас маленькие, – буркнул Москворецкий.

– Вы правы, Алексей, – согласился профессор, – но мы пока все живы и здоровы.

– Что значит «пока»? – испуганно произнесла Мария.

– А то и значит, что пока все живы и здоровы, но в любой момент все может измениться. Так что, друзья, для начала давайте проведем ревизию нашего коллективного имущества. Прошу выкладывать все предметы сюда, в центр. – Кирилл Андреевич указал на небольшую гладкую каменную площадку перед собой. – Проверьте свои карманы, сумочки, портфели. Выкладывайте все. Может пригодиться любая мелочь.

Кирилл Андреевич первым вынул из кармана пиджака авторучку, расческу, носовой платок, мобильный телефон, ключи. Его примеру последовал Алексей. На площадке появились перочинный нож, ключи от автомобиля, пачка американских долларов, документы. Мария просто вытряхнула содержимое своей крошечной сумочки. У Дмитрия в карманах оказался только смартфон. Николай Борисович заявил:

– Поймите меня правильно, товарищи, документы я выложить не могу, а вот все остальное – пожалуйста.

Он выудил из портфеля маленькую бутылку армянского коньяка и поставил ее в центр площадки.

– Ах ты, шалунишка, – рассмеялся Леха. – С бутылочкой на съезд собрался?

– Я не злоупотребляю, – начал оправдываться Трухин. – Это, так сказать, на всякий случай...

– Как раз тот случай и наступил, – серьезно сказал Кирилл Андреевич. – Мы можем использовать коньяк в медицинских целях.

– Не возражаю, – закивал Трухин. – Можно сказать, я его с такой целью всегда и беру с собой.

– Какой предусмотрительный товарищ! – съязвил Леха. Николай Борисович покосился на него, но ничего не ответил.

Портфель Николая Борисовича оказался очень вместительным, на площадку вскоре перекочевали подтяжки, запасной ремень, две книги, аудиокассеты, металлический сувенир с рисунком театра оперы и балеты, как пояснил хозяин, и с надписью «Красноярск», пачка бумаги, конверты и... Обитатели пещеры даже не поверили своим глазам. На площадку лег ленточный автомобильный трос.

– Мужик, – рассмеялся Леха, – а зачем ты с собой трос таскаешь?

– У нас в Красноярске дефицит, такой днем с огнем не сыщешь, вот и купил на одной из железнодорожных станций, тетка на перроне продавала. – Николай Борисович покраснел. – Что поделаешь, иногда вот... приходится к спекулянтам обращаться.

– Почему «к спекулянтам»? – спросил Леха. – У тетки

бизнес такой... А-а-а... – Он вспомнил, из какого времени Трухин. – Понял-понял. Сколько метров трос?

– Десять! – ответил Трухин.

– Пригодится, – одобрительно покачал головой Кирилл Андреевич.

– А бумажничек-то замылил? – съязвил Леха, заглянув в портфель через плечо Трухина.

– Не думаю, Алексей, что вам понадобятся мои документы и мои личные сто двадцать рублей, – обиженно произнес Николай Борисович и захлопнул портфель.

– «Мои личные», – передразнил Москворецкий. – Вон, видишь? – Леха указал рукой на площадку. – Я свои баксы выложил. Ты думаешь, я их где-то стырил? Это тоже «мои личные» и честно заработанные. Понял?

– Друзья, спокойно, – остановил Кирилл Андреевич спорщиков и обратился к Яру: – У вас ничего с собой не было?

– В этом не было никакой необходимости, – пожал плечами Ярослав, – при помощи паснета можно мгновенно скачать любую вещь и тут же ее разархивировать...

– Понятно, – кивнул председатель, – так, что у нас здесь есть? Вы не волнуйтесь, друзья, сейчас мы отберем необходимое, остальное заберете обратно. Мария, это ваша пилочка для ногтей?

– Да! – подтвердила Маша.

– Пока забираем, может пригодиться. Дальше – все ключи, перочинный ножичек... Так, это что? Зеркало! Тоже

изымаем, очки, визитки нам не нужны...

– Простите, товарищи, – неожиданно вспомнил Трухин, – у меня вот еще какая вещица в боковом отделении завалась.

Он положил в центр площадки лупу.

– Отлично, – сказал профессор и, перебрав еще какую-то мелочевку, добавил: – Негусто, но все же кое-что есть. Остальное забирайте. Да, и мобильные телефоны оставьте здесь, чтобы не потерялись. Они все равно вам не нужны, но вдруг для чего-то пригодятся.

Кирилл Андреевич аккуратно все сложил на полку рядом с выходом. И объявил:

– А теперь, други мои, небольшая лекция. Или, если хотите, инструктаж. Любой желающий поделиться своими соображениями – милости прошу. Значит, так. Мы не должны забывать вот о чем: выживание в экстремальных условиях (а я думаю, все понимают, что мы в таковых оказались) – это в первую очередь вопрос психологический. Поэтому желаю всем бодрости духа, позитивного настроения, смелости и надежды. С огнем и водой у нас проблем нет. Это очень хорошо. Можно сказать, нам повезло. С пищей, надеюсь, решим. Дальше нам необходимо позаботиться о ночном сне, о комфортном сне. Речь идет о тепле в пещере. Сегодня уже поздно, а завтра мы должны организовать каждому из нас удобные постели из сухой травы, какие-то ветки связать, и тому подобное.

– Кирилл Андреевич, а вдруг тут какие-то чудища живут? – спросила Мария.

– Вот-вот, как раз я об этом и хотел сказать.

– О чудищах? – с ужасом спросила Мария и закрыла ладонью рот.

– Да, о них, – улыбнулся профессор. – Послушайте одну притчу. Один путник долго-долго шел по заснеженной тундре, замерз, продрог, а впереди – ни конца ни края. Идет и думает: «Вот бы сейчас теплую избу да с банькой, попариться, погреться». И на тебе: видит – стоит домик. Путник – туда, а там тепло, уютно, рядом с домом натопленная баня. Попарился мужик, отогрелся и думает: «Эх, сейчас бы отобедать!» Пожалуйста: посреди избы вырос стол с деликатесами. Покушал путник и думает: «Теперь поспать бы». И в углу появилась кровать с периной, одеялами и подушками. Выспался мужик, лежит утром и думает: «А кто же все это устроил мне? Вдруг это какие-то чудовища?» И что вы думаете – отворяется дверь, и в избу входят чудовища, как у Гоголя в «Вие», помните? Мужик схватился за голову и сам себе говорит: «Да они же съедят меня!» И чудовища съели путника...

– Какой кошмар! – шепотом произнесла Мария.

– Да, отличная притча, – рассмеялся Алексей. – Так что, Машка, не притягивай к нам отрицательную энергию. Думай о хорошем! Поняла?

– Можно подумать, я тут одна переживаю! – парировала

Мария.

– Мария Николаевна, – сказал Кирилл Андреевич, – не переживайте, у вас шестеро мужчин-защитников. Выдюжим!

– Спасибо, – улыбнулась Мария.

– Идем дальше, – продолжил профессор свое председательское выступление. – В связи с вышесказанным, я предлагаю организовать ночное дежурство. Мы не имеем права спать все одновременно. Кто-то один всегда должен бодрствовать, то есть, будем называть вещи своими именами, караулить. Каковы мои соображения на этот счет? Мария, как женщина, освобождается от такой обязанности.

– Возражений нет, – раздался голоса.

– Прекрасно, – продолжил Кирилл Андреевич, – тогда предлагаю освободить от обязанностей ночного дневального Матвея, поскольку мы поручаем ему заниматься добычей и приготовлением пищи. Матвей, справишься?

– Буду стараться, ваше благородие! – выпалил Матвей.

– Молодец, – похвалил профессор. – Итак, дежури́м по очереди, первую ночь буду дежурить я. Кто следующий?

– Я! – поднял руку Дмитрий. – Следующим буду я.

– Не возражаю! – согласился Кирилл Андреевич.

– Ну давайте следующую ночь, после Дмитрия, я подежурю, – отозвался Трухин.

– Отлично! – утвердил Кирилл Андреевич. – И остались Алексей и Яр. Определитесь в очередности, у вас времени

еще достаточно.

– Разберемся, – сказал Леха.

– Прошу учесть, коллеги, – вдруг заявил Яр, – в экстремальных ситуациях я могу не спать до пяти суток.

– Это еще как? – удивленно спросил Леха. – А с копыт не рухнешь?

– Нет, не рухну! – улыбнулся Яр и прикоснулся рукой ко лбу. – Анализатор памяти позволяет отдыхать организму и мозгу во время бодрствования, но не более пяти суток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.